

Вода, лодки и люди. Река в структуре аксиологических координат севернорусской деревни

Сергей Иванович Ерыкалов

(Санкт-Петербургский государственный университет:
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9)

Аннотация. Статья основана на полевых материалах фольклорно-антропологических экспедиций СПбГУ 2021 и 2022 гг. в д. Сояна Мезенского района Архангельской области. В ней рассматривается роль пространства реки в системе внутренних и внешних коммуникаций деревни; влияние водного пространства на мужскую социализацию; включенность реки в структуру аксиологических координат севернорусской деревни. Материалом послужили интервью о лодках, реке и рыбалке с мужчинами возрастом от 39 до 82 лет. В фокусе внимания — вернакулярные технологии изготовления лодок; рассматривая особенности различных видов судов на реках Мезенского района, автор приходит к выводу об их сложной дифференциации в зависимости от гидрологических условий и степени развития промысла. Показано, как каждая река образует вокруг себя сообщества рыболовов и мастеров. Вход в группы и пребывание в них — основные ступени мужской социализации на приречном пространстве, которые охватывают период становления от детства до посмертной славы мастера. Кооперация происходит на основе совместной деятельности, в ходе которой формируется фонд местных практических знаний и коллективная память. Внимание к уходящим традициям, связанным с взаимодействием с рекой, позволяет проявить ряд культурных фактов, объединяющих деревенское сообщество. В результате семиотического анализа материала удалось выявить основные аспекты влияния гидрологии реки на социальную, аксиологическую и экономическую структуру деревенского общества Европейского Севера России.

Статья написана под научным руководством И. С. Веселовой, кандидата филологических наук, доцента кафедры истории русской литературы СПбГУ.

Ключевые слова: реки Русского Севера, социализация, аксиология, местные практические знания.

Дата поступления статьи: 6 июня 2023 г.

Дата публикации: 25 ноября 2023 г.

Для цитирования: Ерыкалов С. И. Вода, лодки и люди. Река в структуре аксиологических координат севернорусской деревни // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 4. С. 125–136.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.010>

Экономическая система деревенского общества на Русском Севере отличается преимущественно не аграрным характером. Изолированность от основных транспортных путей Центральной России, суровый климат, особенности почв

и рельефа, сочетающиеся с развитой системой водоемов, богатых рыбой, послужили основными факторами ориентации местных обществ на добывающий тип хозяйствования, заключающийся, в частности, в рыбных промыслах.

Летом 2021 и 2022 гг. автор в составе фольклорно-антропологических экспедиций СПбГУ исследовал бассейн рек Кулой и Сояна Мезенского района Архангельской области. Деревня Сояна располагается на берегу одноименной реки. Она основана во второй половине XVII в. жителями с. Долгощелье, которое находится в 30–35 км от д. Сояны. До 1708 г. Сояна была вотчиной Антониево-Сийского монастыря и входила в Долгощельский приход. Первая церковь в Сояне была построена в 1834 г. во имя святых апостолов Петра и Павла, в 1935 г., при советской власти, она была разрушена [Окладников 2012, 279–281]. Данные о колхозе, приводимые краеведом Н. А. Окладниковым в книге «Мезенские деревни», подтверждаются и данными устной истории, сохранившейся в рассказах наших информантов. «В 1930 году в Сояне на базе товарищества по совместному содержанию скота был создан рыболовецкий колхоз “Сояна”, который позднее был переименован в колхоз имени И. В. Сталина. В 1950 году в состав колхоза вошел бывший колхоз “Красный Север” (п. Красный Север, бывшая коммуна). В 1961 г. колхозу возвращено прежнее название “Сояна”. В 1993 г. колхоз преобразован в кооперативно-долевое хозяйство, а с 1999 г. — в СПК РК “Сояна”. Кроме лова рыбы на местных водоемах, в основном на Кепинских озерах, колхоз принимает участие в промысле рыбы в Атлантике» [Там же, 282].

Как и большинство деревень Мезенского района, Сояна является удаленной и труднодоступной деревней. В настоящее время до нее возможно добраться лишь на самолетах малой региональной авиации (редко, дорого и только летом в летнюю погоду), на лодках по р. Тойма (или Немнюга), Кулой и Сояна или на машинах по зимникам. А. А. Позаненко связывает труднодоступность с «произошедшим в 1990-е гг. сжатием системы провинциального общественного транспорта, особенно водного и малой авиации» [Позаненко 2018, 32]. Труднодоступность усугубляется не только скудостью общественного транспорта, но и бездорожьем, зависимостью от системы приливов и отливов, отсутствием связи

(сотовая связь до сих пор присутствует не во всех деревнях, а за их пределами отсутствует вовсе).

Основная цель данной работы — осмысление значимости речного пространства для деревенских жителей севера Архангельской области. В фокусе внимания описание и анализ тех коллективных практик, которые непосредственно связаны с рекой, и их влияние на мужскую социализацию, на коммуникацию между отдельными людьми и внутри групп, а также на создание ценностных категорий и ориентиров.

Материалом послужили прежде всего интервью с мужчинами и женщинами возрастом от 39 до 82 лет, собранные автором и другими участниками фольклорной экспедиции СПбГУ (под рук. И. С. Веселовой¹) летом 2021 и 2022 гг. в д. Сояна. Интервью, как правило, представляют собой записи разговоров о технологии шитья лодок или воспоминания о коллективных практиках, связанных с пространством реки.

МЕТАФОРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В. Н. Матонин выносит в заглавие культурологического исследования поморов «Наше море — наше поле: социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика» местную поговорку: «наше море — наше поле» [Матонин 2013, 1]. Подобные выражения слышали во время полевых экспедиций и мы. Расширим аналогию, перенесем ее с моря на все водные пространства — озера и реки. Опираясь на книгу «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона и их идею о *метафоричности концептуальной системы повседневности* [Лакофф, Джонсон 2004, 25–28], выделим в этой поговорке те точки соприкосновения, общие признаки, по которым сравниваются море (река, озеро) и поле в сознании жителей североурских деревень:

- 1) как место труда и промысла;
- 2) как источник благ (не только материальных);
- 3) как место сотрудничества (внутри деревенских сообществ и между поселениями).

¹ Выражаю благодарность Инне Сергеевне за руководство во время двух экспедиций, которые дали материал для данного исследования, и наставничество при концептуализации и написании статьи.

МЕСТО ТРУДА

Начиная разговор о труде, стоит сделать акцент на сообществах рыболовов и мастеров по шитью лодок. Вокруг этих основных типов деятельности можно встретить формирование групп, преимущественно мужских, чей союз обусловлен экономическими и символическими предпосылками. Вокруг практик охоты, перевозок грузов и людей образуются менее людные и сплоченные группы.

«Флот» д. Сояна насчитывает приблизительно 60 лодок (выяснение точного их числа усложняется тем, что нет момента, когда все суда одновременно находились бы у берега). Соотношение лодок вернакулярного производства и покупных примерно равное. Лодки местного производства изготавливают из древесины, алюминия и обшивки ступеней ракет, которые падают с космодрома «Плесецк» (подробнее об этом см. ниже). В д. Сояна шьют лодки, приспособленные для перемещений именно по р. Сояна. Река имеет множество порогов, которые способны перевернуть, повредить и даже сломать средство передвижения, поэтому соянки — лодки в первую очередь плоскодонные, т.е. имеющие плоскую, а не заостренную килем форму днища, чтобы не задевать им опасные участки речного дна. Эта же особенность лодок позволяет увеличить грузоподъемность: обычная соянка высотой борта в 5–6 набоев (т.е. 5–6 досок, как правило, еловых) длиной 7–8 м способна перевозить груз массой свыше тонны. На двух скрепленных вместе лодках-соянках до сих перевозят легковые машины, а в советское время даже переправляли трактора из районного центра — Мезени. «<Соб.: А вот сколько, ну, грузоподъемность: сколько тут помещается в вашу, например?> Ну, в это лодку сколько... ну, допустим, тонну триста запросто, я думаю, поднимет. У нас наши даже практиковали вот: с Архангельска брали, ну, машину покупают кто-то, вот видишь, вот эта машинка-то, допустим, там вон “Жигули”, там ля-ля-ля, допустим, подвернется летом, если купить, дак две лодки спаривают, доски наверх ложат, машину загоняют и...» (Зап. от

Николая Ивановича Мелехова, 1957 г.р., д. Сояна. Соб. А.Ю. Балакин, С.И. Ерыкалов. 2021 г.)².

В теплое время года лодка — незамеченное транспортное средство, так как через леса, испещренные реками, болотами и озерами технику посуху перевезти практически невозможно; самолеты региональной авиации для такой цели не приспособлены, а баржи по Сояне не ходят уже давно.

Как уже было сказано, лодки изготавливают не только из древесины. Несколько мастеров в Сояне делают лодки из алюминия: принцип их шитья воспроизводит конструкцию традиционных соянок. Мастера даже выпиливают из металла нашивы, подобные деревянным доскам, которые скрепляются так же, как и еловые доски: гвоздями или заклепками — их повсеместно используют на Русском Севере вместо ранее использовавшихся бечевков или распаренных древесных корней, отчего сам процесс изготовления и стал называться шитьем (практика потеряла актуальность, а номинация сохранилась) [Балакин 2019, 56]. М.Р. Терешин в статье «Поля падения: пространство космоса на реке Мезень» тоже обратил внимание на популярность среди мезенских лодочников судов, выполненных из собранных по местным лесам и болотам не поддающихся коррозии дюралюминиевых частей ракет. «Качественный металл от корпуса ступени стал хорошим материалом для изготовления новых легковесных, быстроходных и долговечных лодок без дополнительных затрат» [Терешин 2020, 61].

Однако выгодность такого «упавшего с неба» металла, по мнению местных жителей, неоднозначна: в ступенях остается особо опасное для здоровья человека топливо. Неосторожные охотники обрекали себя на тяжелые заболевания: «...у нас тут было, там мужички поехали на озера зимой на снегоходах: и тут озеро, и тут озеро — ну, километра три-четыре расстояние, они с озера повернули — а-а-а, ракета лежит, теплая еще. Ну, один сползал, и-и-и кровь постоянно перекачивали, меняли кровь, ну, наверное, что-то там было...» (Зап. от муж., 1959 г.р.,

² Приводимые здесь и далее полевые материалы записаны в Мезенском районе Архангельской области, кроме одного текста из Лешуконского района, и хранятся в Фольклорном архиве СПбГУ [СПбГУ ФА] и Электронном архиве «Российская повседневность» [ЭА РП].

д. Сояна. Соб. А. Ю. Балакин, С. И. Ерыкалов. 2021 г.).

Стоит отметить, что на каждой реке распространены свои типы лодок: их различия обусловлены характерами самих рек. Например, карьеполки, которые используются у д. Карьеполье, расположенной в среднем течении Куоя, тоже плоскодонные, но меньше по длине, ширине и высоте, чем соянки. Это обусловлено меньшей полноводностью реки и удаленностью от моря. У жителей Карьеполья нет необходимости бороться с порогами и течениями, поэтому количество набоев (рядов досок на бортах лодок) и длина самих досок меньше, лодки там используются исключительно для перевозки сена и для рыбалки с удочкой.

Из интервью с жителями Сояны выяснилось, что еще 10–20 лет назад изготовлением лодок занималось почти все мужское население, включенное в процесс рыбного промысла. При изготовлении лодок мужчины собирались во дворе, где в тот момент шло шитье соянки, и делились знаниями. Сейчас мастера предпочитают работать самостоятельно, без советов других специалистов. Раньше эти собрания вокруг шитья были живой коммуникативной площадкой по обмену опытом, чем поддерживались семейные и соседские связи: «...я ж лодку сделал, у меня какие-то проблемы-то были, трудности-то что-то сделать, доску подогнуть там или еще чего и смотрю, допустим, хоть и молча, но я это копирую, смотрю всё равно, прикидываешь один фиг ведь как бы...»; «...вот все ходят все там перекурить, переговорить “хо-хо-хо”: это у лодки человек десять соберется, и всё равно кто-нибудь чего-нибудь посоветует, так что это проблемы-то как бы и не было, что тут ты без объяснения...» (Зап. от Николая Ивановича Мелехова, 1957 г.р., д. Сояна. Соб. А. Ю. Балакин, С. И. Ерыкалов. 2021 г.).

Сегодня число признанных мастеров по шитью лодок в Сояне, по мнению селян, сократилось. Самодельные лодки вытесняются покупными, которые примерно равны первым в цене, требуют меньшего ухода, однако уступают в приспособленности к реке: лодочники не раз замечали, что в Архангельске пытались повторить их соянку в промышленном производстве, однако пока им это не

удалось: «А сейчас, сейчас, говорят, стали возить с Архангельска уже там, но там тип опять, типа соянской пытаются сделать, но всё равно надо же гнуть, а они просто квадрат вырезали, унс, и всё» (Зап. от Александра Васильевича Нечаева, 1959 г.р., д. Сояна. Соб. А. Ю. Балакин, С. И. Ерыкалов. 2021 г.).

Сожаление местных жителей об утрате практики изготовления лодок и все меньшей популярности рыбалки среди молодежи — это сожаление об утрате целостности общества, обеспечиваемой отношениями, складывающимися в ходе рыболовной ловли и изготовления лодок. Утрата регулярной практики влечет за собой разрыв с частным и коллективным прошлым. Одно из самых «грустных» мест на берегу р. Сояны — это «кладбище» старых лодок. Многие из местных жителей помнят, кому они принадлежали, сожалеют о том, что «флот» деревянных лодок сильно сократился. Вспоминают, что прощание с лодкой было своего рода ритуалом: «<Соб.: А вот, кстати, у вас здесь в деревне <...>, где луга, по-моему, <...> не доходя до Камешника, там вот старые лодки лежат, с того конца — старые лодки. А вот почему их <...> не разбирают?> Да не знаю, кто как, бросают, в основном-то раньше лодки всё время, если она отслужила век, ее отправляли в море по реке по весне. <Соб.: Просто чтоб не мешались?> Просто, да, чтоб не мешали, и жечь жалко: все-таки на ней ездили, сейчас большие сжигают, конечно, да, а раньше-то вот старики, они суеверные были: жечь жалко, свое имущество возьмут, отправят...» (Зап. от Александра Павловича Крапивина, 1953 г.р., д. Сояна. Соб. П. А. Матвеев, С. И. Ерыкалов. 2022 г.).

ИСТОЧНИК БЛАГ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ

Река, как и поле, предоставляет местным жителям пищу — это самое естественное благо и ценность. Успешность рыбного промысла основана на знании реки, тоней (мест ловли рыбы) и техник ловли. Однако река также часто связана с установкой ценностных ориентиров в рамках социальной системы локального общества. В дальнейших рассуждениях мы опираемся на работы Мишеля де Серто и Пьера Бурдьё. Антрополог М. де Серто различал

понятия «пространство» и «место», считая главным отличительным признаком первого связь с практикой, которая способна превратить неподвижное по своей детерминации место в пространство «через действия исторических субъектов» [Серто 2013, 219–220]. Территория вокруг реки действиями лодочников и рыбаков превращается в подвижное пространство реки. Так к физическому измерению добавляется социальное. Чтобы понять суть превращения, обратимся к определению «социального пространства» П. Бурдьё: «Социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей <...>; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях» [Бурдьё 2007, 53–54]. Полевые материалы демонстрируют эту связь ценностных ориентиров и реальных навигационных средств; разделим ориентиры на пространственные и временные.

Пространственные указатели. Ориентиры этой категории существуют как физически, так и дискурсивно. На Мезени часто говорят, что не следует брать невесту с верховьев реки. Причем объясняется это пословицей: «По течению каждое гнилое бревно течет». Через законы течения реки объясняются законы матримониальных практик. Экономические причины в виде скопления богатств в низовьях рек при этом не озвучиваются, однако престижность женитьбы на девушке с низовий реки воспринимается естественной. Объясняется это, кроме того, тем, что против течения невесту необходимо «добывать», «тянуть», т.е. ценность «добычи» объявляется соответствующей приложенным для ее получения усилиям: «<Соб.: А вот у вас по реке же есть верховье и низовье. Куда престижнее замуж выходить?> *Говорят, по течению каждое гнилое дерево течет, да, а против только хорошее тянут.* <Соб.: То есть наверх лучше выходить замуж?> *Ну да, вот така пословица-то есть. Ну да, записать вот, что по течению-то реки каждое гнилое дерево течет, ну вот неважное всякие, а против-то только хорошие тягают, так*» (Зап. от Марии Васильевны Бобылевой, 1938 г.р., и Евгения Ивановича Бобылева, 1939 г.р. (урож. д.

Юрома, Лешуконский р-н), д. Азаполье. Соб. М. А. Трошило. 2008 г.).

Нельзя не заметить, что противопоставление верховий и низовий в матримониальном деле оборачивается «проигрышем» одной из сторон. Если жених добился невесты с низовий, то по законам патрилокальности (нормы для севернорусского брака) жена должна переместиться наверх по реке, т.е. проиграть в ценностном отношении. Заключение брака сохраняет черты состязательности, которая была результатом долгих хозяйственных переговоров сторон.

В. Н. Матонин в книге «Наше море — наше поле...» при рассуждении об уничтожении советской властью обетных крестов, которые, помимо своей ритуальной функции, еще и помогали ориентироваться на реке, писал так: «Изменения, происходившие в средствах навигации, отражают жизненную дезориентацию и деформацию социокультурного пространства» [Матонин 2013, 37]. Особенно остро этот факт проявляется в тот момент, когда физический указатель репрезентирует конкретного индивида. Сейчас вдоль рек бассейна Мезени и Кулоя обетные кресты встречаются реже, чем сто лет назад, однако один из типов навигационных указателей, имевших в первую очередь обрядовую функцию, встречается несколько чаще — это «залобсти», или «новизны».

Так в среднем течении Мезени называются елки, стволы которых ближе к верхушке специально обстрижены. Ю. Ю. Мариничева в статье «Техники тела: история, память и метис» объясняет исходное значение данных отметин: «В нижних по реке деревнях залость делали местные мужики женщине-молодке, которая в первый раз выходила работать на пожню мужа, чтобы “тебя боле приняли в бабы”. В верховьях Мезени нам рассказывали, что залость делали любому, кто впервые выходил работать на сенокосе. Это были девушки и парни 13–15 лет, которые начинали работать на пожне вместе со взрослыми. <...> обряд изготовления залости был направлен на включение новых участников в новую половозрастную страту» [Мариничева 2017, 79].

«<Соб.: А вот вы не знаете про елки такие с отрезанными... Мы вот когда на лодке ехали...> А, это... Новизна... Новизна, да, есть-есть. Такая елка,

наверху так, а здесь это раз, и там опять так... Это значит первый год замуж выйдешь, на сенокос пойдешь, и там вот это самое. У меня тоже зарубали новизну, у меня есть там... все еще, наверно, стоит³» (Зап. от Анны Арсеньевной Прошиной, 1932 г.р., с. Ценогора, Лешуконский р-н. Соб. С. Б. Адоньева, И. С. Веселова, Л. Ф. Матвиевская, Д. К. Баранов. 2009 г.).

И. С. Веселова поделилась записями из полевого дневника, в которых описано длительное перемещение от д. Вожгоры по притоку р. Мезени р. Пижме вверх к д. Шегмас. В них отмечено, что при многочасовом однотонном движении по реке именно новизны оказываются признаками того, что где-то поблизости находится населенный пункт и люди. Символическое значение этих объектов заключается в том, что они создавались для конкретной женщины. Между елкой и женщиной проводилась ассоциативная связь, дерево оказывалось ее заместителем. Раньше эти отношения закреплялись визуально — соответствующими рисунками елок на лопастях прялок. И. С. Веселова, опираясь на полевой материал, пишет, что сцена охоты является частым сюжетом для изображений на прялках, что отображает распространенную метафору «добывания» невесты. Конкретные же художественные образы являются знаками соответствующих ролей и статусов, елка — один из «женских» знаков таких сюжетов. В пользу того, что новизна действительно обладала таким значением, говорят полевые материалы, на которые ссылается исследователь: «женщины регулярно проводывали свою елку: проезжая мимо, беспокоясь, не пала ли или не засохла, очевидным образом испытывая связь своей судьбы с судьбой дерева». Тем самым «определялось индексальное различие уникальности и типичности» — значимость елки для женщины возрастала, когда она начинала соотносить себя с ней [Веселова 2014, 45–46]. Женщины таким образом персонифицировали дерево, часто посещали свою залость, узнавали ее среди других на реке. Родственники и свойственники были знакомы с «елками» женщин рода. Встречая подобную елку на реке, человек не просто видит навигационный знак, но знает, что

она — субститут другого (знакомого или неизвестного) лица.

Временные указатели. Река распределяет ценности не только в пространстве, но и во времени. Ориентиры этой категории не выражены материально, но существуют в языке и системе народных представлений.

С сезонами нереста рыбы связан промысловый календарь: например, нерест семги, а соответственно и один из этапов ежегодного рыболовного промысла в советский период в д. Сояна заканчивается приблизительно к середине июля. Обилие рыбы в этот период и временной промежуток до начала сенокоса прямо связан с колхозным праздником Днем рыбака. Соянский колхоз был и остается рыболовецким, поэтому это профессиональный праздник его работников. До установления советской власти в д. Сояна праздновали съезжий праздник Петров день. Однако жители деревни объясняют совпадение праздников и хорошего улова обратным образом: «рыба к празднику идет» — этим отмечается как мудрость предков, которые, будучи внимательными к окружающему их пространству, заметили это, так и «мудрость» самой рыбы, которая удивительным образом не может не «заглянуть» на съезжий праздник. Эта зависимость отразилась в системе номинаций «походов» рыбы (периодов, когда она подходит к местам лова): «Ю. С.: Петровская — вот это, это просто походы, петровская. Вот, допустим, там петровский поход там, есть там 14 октября этот... праздник Покрова, Покров. Там тоже, ну, тоже походы бывают. Ильинска есть. Ну там, допустим, там, Иваньска там маленькая идет, на Иван-день...» (Зап. от Юрия Сергеевича Коптыкова, 1967 г.р., и Александры Петровны Коптыковой, 1971 г.р. (урож. г. Мурманск), д. Сояна. Соб. П. А. Матвеев, С. И. Ерыкалов. 2022 г.).

Другими словами, река, предоставляющая жителям севернорусских деревень пищу, регулирует еще и временную организацию жизни, оказывая влияние через календарные праздники на поддержание стабильности экономического цикла. И. С. Веселова писала о практике охоты, что она, «как и многие другие

³ Залость и новизна в данном случае обозначают одно и то же.

повседневные занятия, аккумулирует опыт в некоторую типическую схему, в многослойность порядков. Самый, пожалуй, легко проговариваемый из них — порядок организации времени» [Веселова 2014, 46]. Рыбная ловля, как еще один вид промысла, прочно закрепленного в жизни деревни, выполняет ту же функцию структуризации времени.

Таким образом, река и связанная с ней потребность в знаниях навигации в пространстве соотносится с ориентацией в аксиологической системе координат местных жителей. Само течение реки и опознавательные знаки на ее берегах создают семиотическую систему социума, отмечая освоенные пространства среди протяженных нетронутых цивилизацией мест (что важно при путешествии за границами знакомых территорий), а также пожни родственных и свойственных семей (что важно для отдаленного, но соседства и знакомства). От циклов установок и схода льда отсчитывают начало и окончание промысловой деятельности, порядок самой социальной жизни формируется во временной и пространственной зависимости от реки.

СОВМЕСТНАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. СЕТЬ ОТНОШЕНИЙ

Переходя к рассмотрению ситуаций межличностной коммуникации «лицом-к-лицу», отметим, что основные из них прямо связаны с процессом мужской социализации. П. Бергер и Т. Лукман определяли социализацию как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» [Бергер, Лукман 1995, 212]. Погружение подразумевает познание объективного и субъективного мира «значимых» для индивида людей в рамках принимающего общества и их дальнейшую личную и коллективную интерпретацию. Результатом является в том числе создание тесной сети отношений, участники которых могли бы утверждать: «Мы не только живем в одном и том же мире, мы участвуем в бытии друг друга» [Там же].

В данном случае социализация заключается в освоении общего метиса⁴ взаимодействия с водой: знание дна, фарватера и т.д., что производится за счет совместных практик.

Выделим важную триаду отношений, обнаруженную при анализе материала: если раньше мы рассматривали отношения в основном внутри социальных групп или между ними, то сейчас речь пойдет о межличностных отношениях, которые порождает и/или поддерживает река — это: 1) отец/дед — сын; 2) ученик — наставник; 3) товарищ — товарищ. Альфред Шютц называл такого рода связи *мы-отношениями* [Шютц 2003, 207–222]. Возникновение таких отношений возможно тогда, когда их участники учитывают существование друг друга в едином, общем для них пространстве и времени.

Перейдем к тому роду взаимоотношений, который во время взросления является первичным — это взаимоотношения ребенка с отцом или дедом. Из 15 интервью, собранных автором в 2021–2022 гг., данный нарратив появлялся в 10, например: *«Я сам с семьдесят четвертого года по восемьдесятый год выезжал к отцу на Илос: мои одноклассники всем классом едут в Питер к вам, в Москву на экскурсию; у меня учитель спрашивает: “А ты куда?” — а я говорю: “Туда”. Всё, это Илос. Потом эти одноклассники у меня бригадирами ездили на озёра, а я им объяснял, где какие ямы на озерах. <...> <Соб.: А вас отец учил, ну, с лодкой управляться там?» Ну, а кто больше будет? Отец да старший брат (Зап. от Григория Григорьевича Рочева, 1963 г.р., и Марины Альбертовны Муриной, 1969 г.р. (урожд. с. Бычье), д. Сояна. Соб. И. С. Веселова, С. В. Саватьева, С. И. Ерыкалов. 2021 г.); «С дедом Андреем я потом еще ходил всегда на озёра. У нас озёра здесь за десять километров. Всегда с ним ходил, и я был счастлив. Как на озеро не пойти с дедом? <...> Он берет, вынимает, научил меня, как всё это дело, общаться, в шесть лет. А я еще помню, когда. <Соб.: Что значит “общаться”?» Общаться с природой, ну, рыбу как доставать (Зап. от Клавдия Вениаминовича Маслова, 1949 г.р.,*

⁴ Понятие «метис» ввел Дж. Скотт: под ним он буквально понимал «множество практических навыков и приобретенных сведений в связи с постоянно изменяющимся природным и человеческим окружением» [Скотт 2005, 498].

д. Сояна, Соб. А. О. Захарова, А. А. Чепурнова, С. И. Ерыкалов. 2022 г.).

Процесс обучения присутствует и во взаимодействии между впервые вышедшем на промысел юношей и его руководителем на промысле. В колхозной бригаде эту должность занимал человек, стоявший на корме и отвечавший за навигацию и организацию труда, так называемый кормщик. В чистом виде материалы экспедиций двух лет предоставили нам лишь одну историю о взаимодействии ученика и наставника, поэтому мы не уверены в ее репрезентативности. Однако это единственный пример из нашего корпуса, в котором в нарративе об обучении промыслу отсутствует фигура отца. Можно предположить, что тип отношений «наставник — ученик» — это колхозный вариант обучения внутри семьи и связи «сын — отец/дед»: *«Нет, 18 лет я от колхоза уже, это я поехал с мужиками там вон, кормщиком называли-то, в корме он главный и бригадир, я в носу — уже носник, первый год вот я, ну, у меня хороший попался кормщик вот — Василий Ефимович был такой. Всё объяснит и утром не подымет рано, сам приготовит, иной раз чайник согреет, такой он, хороший был мужик-то, а потом после армии вот пошел, сразу поехал вон с ним же, а потом на... другой... нет, вот тот же год он меня стал учить сразу, в корму меня посадил, он в носу, а я в корме сидел. <Соб.: А чему учили?> Сетки вот смотреть, да неводить, да как рыбу, всё это обрабатывать, там же садились сразу на месте, в бочки, а потом свозчики приезжали, дак сдавали мы <...>. Корзины покажет, как плели, плели корзины, показывал»* (Зап. от Петра Станиславовича Быкова, 1965 г.р., д. Сояна. Соб. И. С. Веселова, С. И. Ерыкалов. 2021 г.).

Кормщик, о котором говорил П. С., с одной стороны, организует деятельность во время колхозного рыбного промысла, выполняя функцию руководителя, если рассматривать институциональную сторону данной практики. Однако, как следует из рассказа, кормщик оказывается более чем начальником для подчиненных,

ведь обучение управлению лодкой, плетению корзин и пр. — исполнение наставнической роли. Василий Ефимович занимает высокую позицию в социальной иерархии в истории информанта, но он ощущается более близким человеком, нежели просто начальник. В рамках рассматриваемого нами процесса включения в общество данный случай оказывается нестандартным для вторичной социализации⁵, которая, в отличие от первичной, обычно не характеризуется «эмоционально заряженной идентификацией» [Бергер, Лукман 1995, 230], которая образовалась между информантом и кормщиком. Этот процесс П. Бергер и Т. Лукман называют «возвращением индивида домой» [Там же, 233]. При создании сильной эмоциональной связи «отношение индивида к социализирующему персоналу соответственно становится “значимым”» [Там же, 236], что заставляет приблизиться к ситуации первичной социализации, т.е. максимального сближения нескольких личностей, разделяющих по ее итогу общее социальное пространство. Это смешение черт первичной и вторичной социализаций подтверждает наше наблюдение о близости этого типа отношений с внутрисемейным.

Обучение навыкам работы с лодкой или рыболовными снастями в деревенской среде часто производится именно наглядно-практическим образом, что способствует укреплению межличностных отношений и формированию общего метиса в процессе включения в общество, взросления. Всех информантов-мужчин учили прикладным навыкам управления лодкой отцы, деды, братья, кормщики во время «взрослого промысла» или соседи. Они спокойно проходят мели и пороги на реке, потому что знание, передаваемое наставником, закреплялось постоянной практикой.

Именно это общее знание часто оказывается спасительным в экстремальных ситуациях. Рыболовный промысел относится к рискованным: непогода, неисправность техники на лодке или судне — все это требует незамедлительных,

⁵ «...первичная социализация есть та первая социализация, которой индивид подвергается в детстве и благодаря которой он становится членом общества. Вторичная социализация — это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества» [Бергер, Лукман 1995, 212–213].

машинально точных действий. Отсюда расчетливость и трезвость, свойственные лодочникам и рыбакам. Жители деревни всегда примечают, чья лодка в каком направлении двигалась, так как были прецеденты, когда лодка возвращалась к берегу без хозяина: *«Рыбаки уходят, они могут уйти навсегда, потому что и гибли, и всё тут. Один раз и самому приходилось вывозить товарища. Пошли на селедку, их выкинуло, карбас, короче, а отдыхали на берегу. Мужчины работали бригадой. И бригада выпили хорошо, по видимости, и все ушли, а он дремал, а тут вода пришла и чего — его заморозило, и всё — пришел летальный исход. Я и милицию возил на опознание к им. <...>*

Разум должен быть какой-то определенный. И опыт тоже, соответственно, знание моря в то же время, знание заходов в речки <...>, если не знаешь все заходы, прочие навигации, то, естественно, просто-напросто, ты если пойдешь не туда немножко, просто тебя зальет, просто знать надо такие все заходы и прочее (Зап. от Виктора Александровича Оброскова, 1954 г.р., д. Козьмогородское. Соб. И. С. Веселова, Л. В. Голубева. 2015 г.).

Сущностно иными представляются нам дружеские отношения, относящиеся к этапу вторичной социализации. Данный тип связи описывали все 8 информантов, потому что коллективный вариант рыболовного промысла до сих пор широко распространен на Русском Севере: *«<Соб.: Ну, всё равно такая тесная компания, в общем, я думаю, что сдруживались или...> Ну, как вот с Лёхой-то там и скорешились больше-то, здесь-то так мы вот так вот всё, а там-то всё вместе, дак. <Соб.: А, то есть когда возвращаетесь, уже меньше, что ли, общаетесь?> Нет, постоянно потом тоже, всё: сенокос да сено вот сваживали, тоже там вместе с ним, сперва на лошадах тут возили вот, которая близко-то, рядом-то, а потом техники стало больше, дак и туда стали трактора ходить...»* (Зап. от Петра Станиславовича Быкова, 1965 г.р., д. Сояна. Соб. И. С. Веселова, С. И. Ерыкалов. 2021 г.); *«<Соб.: А если вдвоем — это какой-то постоянный напарник, с которым вы рыбачите?> Наверное, уж друг. С другом рыбачишь. <Соб.: В молодости на банку крутил?> Да, чё, всё прошли* (Зап. от Андрея Александровича Нечаева,

1967 г.р., д. Сояна. Соб.: П. А. Матвеев, С. И. Ерыкалов. 2022 г.).

Река, таким образом, дает мужчине во время взросления и обучения не только наставника, но и товарища: созданные в период длительного и трудного выхода на промысел, эти отношения остаются тесными на протяжении не одного десятилетия лет. Данный пример демонстрирует, что речное пространство участвует в формировании не только вертикальных связей, построенных на передаче знания, но и горизонтальных, опирающихся на взаимное участие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лодка, выполняя на первый взгляд чисто прагматические функции, сопровождает человека во время сватовства, первого выхода на поле или промысел. Она становится не только обычным средством передвижения, но и тем фактором, который обеспечивает человеческую коммуникацию и не дает ей приостановиться. Ян Ассман в книге «Культурная память» говорит о том, что «коллективы не “обладают” памятью, но обуславливают память своих членов. Даже самые личные воспоминания возникают только через коммуникацию и взаимодействие в рамках социальных групп» [Ассман 2004, 36]. Лодка как практическая и символическая форма обеспечивает возможность коммуникации, которая порождает коллективную память.

Постоянно повторяющееся *«теперь уже не то»* и *«раньше было дружнее»* в речи наших информантов по отношению к прошлому, как правило, направленно именно на утерянные личностные связи, которые в их памяти тесно связаны с совместным опытом, основанным на коллективных практиках. Мы-отношения в терминологии социолога А. Шютца — это своего рода *родной дом*, покинув который мы разрываем сложившиеся отношения. Отмирание практик или их трансформация ощущается их носителями как уход из этого дома, что, естественно, вызывает тоску, равную тоске по покинутому дому. В воспоминаниях о совместных речных практиках заключается память именно о былом доме *мы-отношений*: *«Мне деревянны-то хозяин сам делал. Лодки-то. У его было две лодки за раз сделано. Одну продал. А тут еще остались, вон старые-то лодки*

стоят его ведь. Я говорю: “Дак ты уברי их оттуда, чего ты их держишь?”. А пускай, говорит, стоят. <Соб.: На огороде, да?> Да. Память, говорит, отцова. Так

остались. Стоят. Всё было... (Зап. от Тамары Гавриловны Зябишевой, 1939 г.р., д. Сояна. Соб. И. С. Веселова, К. И. Ускова. 2021 г.).

Источники и материалы

Балакин 2019 — Балакин А. Ю. Современные конструкции поморских лодок (по материалам фольклорных экспедиций 2010-х гг. в Мезенский район Архангельской области) // Живая старина. 2019. № 3. С. 56–58.

Окладников 2012 — Окладников Н. А. Мезенские деревни: Исторические очерки. Архангельск: Правда Севера, 2012.

ФА СПбГУ — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

ЭА РП — Электронный архив «Российская повседневность». URL: <https://daytodaydata.ru/> (дата обращения: 1.06.2023).

Исследования

Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бергер, Лукман 1995 — Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Бурдые 2007 — Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.

Веселова 2014 — Веселова И. С. Повседневные и символические практики: Правила метафорического переноса. Охотники и добыча // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: Филологический практикум / Под общ. ред. С. Б. Адоньевой. СПб., 2014. С. 31–56.

Лакофф, Джонсон 2004 — Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Мариничева 2017 — Мариничева Ю. Ю. Техники тела: история, память и метис // Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб.: Пропповский центр, 2017. С. 47–90.

Матонин 2013 — Матонин В. Н. Наше море — наше поле: социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск: САФУ, 2013.

Позаненко 2018 — Позаненко А. А. «Отдельная типа республика»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 31–55.

Серто 2013 — Серто Мишель де. Изобретение повседневности. Кн. 1: Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.

Скотт 2005 — Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Ун-тская книга, 2005.

Терешин 2020 — Терешин М. Р. Поля падения: пространство космоса на реке Мезень // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 53–74.

Шютц 2003 — Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.

Шюц 2004 — Шюц А. Методология социальных наук // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–150.

© С. И. Ерыкалов, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ерыкалов С. И. <https://orcid.org/0009-0006-1727-1968>

Студент 4-го курса Санкт-Петербургского государственного университета: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; тел.: +7 (812) 328-08-42; e-mail: sergeyERYK@yandex.ru

Water, Boats, and People: The River in the Axiological Coordinates of the Northern Russian Village

Sergei I. Erykalov

(St. Petersburg State University:

7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

Summary. This article examines the space of the river in the system of internal and external communications of the Northern Russian village of Soyana in the Mezen district of the Arkhangelsk region; it also considers the influence of water space on male socialization and the inclusion of the river in the structure of the axiological coordinates of the village. It is based on field materials from St. Petersburg State University folklore and anthropological expeditions of 2021 and 2022. This included interviews about boats, the river, and fishing with men aged 39 to 82 years. The author pays attention to the manufacturing technologies of vernacular watercraft, considering the features of various types of vessels on the territories of different rivers of the Mezen district. He points to their high differentiation due to differences in geographical conditions, which indicates a high degree of development. The article shows how the river forms communities of fishermen and boat makers around itself. Taking part in river boats mark the main stages of male socialization in riverine space, which span the formative period of childhood to the master's posthumous fame. Cooperation takes place based on joint practices that form a fund of local practical knowledge and collective memory of the local population. Attention to the disappearing traditions associated with interaction with the river allows us to reveal various cultural facts that unite the village community. As a result of semiotic and axiological analysis of the material, it has been possible to identify the main aspects of the influence of river space on the social and economic structure of the village society of the European north of Russia.

This article was written under the scholarly supervision of folklorist Inna Sergeevna Veselova, PhD, Associate Professor, Department of the History of Russian Literature, St. Petersburg State University.

Key words: rivers of the Russian North, socialization, axiology, metis.

Received: June 6, 2023.

Date of publication: November 25, 2023.

For citation: Erykalov S. I. Water, Boats, and People: The River in the Axiological Coordinates of the Northern Russian Village. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 4. Pp. 125–136. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.010>

References

- Assman Ya.** (2004) Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. In Russian.
- Balakin A. Yu.** (2019) Sovremennye konstruktii pomorskikh lodok (po materialam fol'klornykh ekspeditsii 2010-kh gg. v Mezenskii rayon Arkhangel'skoi oblasti) [Modern Designs of Pomeranian Boats (Based on the Materials of Folklore Expeditions of the 2010s to the Mezen District of the Arkhangelsk Region)]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2019. No. 3. Pp. 56–58. In Russian.
- Berger P., Lukmann T.** (1995) Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium. In Russian.
- Bourdieu P.** (2007) Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [The Sociology of Social Space]. St. Petersburg: Aleteiya. In Russian.
- Lakoff G., Johnson M.** (2004) Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. Moscow: Editorial URSS. In Russian.
- Marinicheva Yu. Yu.** (2017) Tekhniki tela: istoriya, pamyat' i metis [Body Techniques: History, Memory, and Metis]. In: Pervichnye znaki. Naznachennaya real'nost' [Primary signs. Assigned Reality]. St. Petersburg: Proppovskii tsentr. Pp. 47–90. In Russian.
- Matonin V. N.** (2013) Nashe more — nashe pole: sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoi derevni: genezis, struktura, semantika [Our Sea is Our Field: The Socio-Cultural Space of the Northern Village: Genesis, Structure, Semantics]. Arkhangel'sk: SAFU. In Russian.
- Okladnikov N. A.** (2012) Mezenskie derevni. Istoricheskie ocherki [Mezen Villages: Historical Essays]. Arkhangel'sk: Pravda Severa. In Russian.

Pozanenko A. A. (2018) “Otdel'naya tipa respublikhka”: strukturnye osobennosti prostanstvenno izolirovannykh lokal'nykh sel'skikh soobshchestv [“A Separate Type of Republic”: Structural Features of Spatially Isolated Local Rural Communities]. *Mir Rossii* [The World of Russia]. 2018. Vol. 27. No. 4. Pp. 31–55. In Russian.

Schutz A. (2003) Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii [The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. In Russian.

Schutz A. (2004) Metodologiya sotsial'nykh nauk [Methodology of the Social Sciences]. In: Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom [Selected Works]: A World Glowing with Meaning]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 7–150. In Russian.

Serto Mishel', de. (2013) Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat' [The Discovery of Everyday Life. 1. The Art of Making]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. In Russian.

Skott J. (2005) Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovii chelovecheskoi zhizni [The Good Intentions of the State. Why and How Did Projects to Improve the Conditions of Human Life Fail?]. Moscow: Universitetskaya kniga. In Russian.

Tereshin M. R. (2020) Polyа padeniya: prostanstvo kosmosa na reke Mezen' [Fields of Falling: The Space of the Cosmos on the Mezen River]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2020. No. 1. Pp. 53–74. In Russian.

Veselova I. S. (2014) Povsednevnye i simbolicheskie praktiki: Pravila metaforicheskogo perenosа. Okhotniki i dobycha [Daily and Symbolic Practices: The Rules of Metaphorical Transference. Hunters and Prey]. In: Kommunikativnye konventsii i sotsial'nye stsenarii. Filologicheskii praktikum [Communicative Conventions and Social Scenarios. A Philological Workshop]. Ed. by S. B. Adon'eva. Pp. 31–56. In Russian.

© S.I. Erykalov, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Sergei I. Erykalov <https://orcid.org/0009-0006-1727-1968>

E-mail: sergeyERYK@yandex.ru

Tel.: +7 (812) 328-08-42

7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
Bachelor student, St. Petersburg State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)